

BRUMA. СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Это не для тебя. Это для меня

СЦЕНА 1 (Яр)

Однажды я проснусь.

Я закрою глаза лишь на мгновение, а когда вновь открою их — мир уже никогда не будет прежним.

Ни утреннего солнца, осторожными прикосновениями пробивающегося сквозь тонкую кожу полусомкнутых век. Ни капель ночного дождя, что отчаянно пытаются спасти свою форму под слабыми, но такими настойчивыми ударами утреннего ветра, на изумрудных листьях молчаливых деревьев. Ни серебра улиток, оставляющих длинные влажные следы в весенней траве. Ни золотых иголок добродушного света, что играют бликами на шероховатой от ряби поверхности луж. Ничего.

Однажды я проснусь — в мире, который будет так не похож на этот.

Ни ослепительно ярких оттенков реальности. Ни густого запаха цветущей вишни в вязком и упругом воздухе мая. Ни деловитого гула облетающих свои владения пчёл. Ни глухого шороха гравия, лениво перекатывающегося под ногами. Ни журчания воды в ручьях, ни кружащего голову запаха талого снега, ни залиvistых трелей птиц над бескрайними холмистыми равнинами неуёмно колоссящихся трав. Ни сурового молчания синеватых заснеженных вершин в прозрачном от высоты воздухе. Ни пронзительной, обжигающей голубизны бесконечно округлого неба над моей головой.

Мне будет очень не хватать всего этого в мире, в котором я однажды проснусь.

Когда-то давным-давно, бесконечное множество миров назад, я всё закрывал глаза и открывал их вновь, надеясь вернуть былую красоту мира; но с каждым новым взмахом ресниц мир всякий раз лишался чего-то очень важного. Неуловимо прекрасного. Того, без чего практически невозможно жить.

Хлоп — и нет больше танцующих в потоках ветра драконов, сияющих сталью в пронзительно-алом свете заходящего солнца. Хлоп — и нет сирен, что поют уставшим мореплавателям свои песни.

Ни замков, устремляющих в небо свои острые башни.

Ни стука копыт единорога, осторожно ступающего по каменистым тропинкам своего зачарованного леса.

Ни обжигающего дыхания феникса, сгорающего, умирающего навсегда — но всякий раз возрождающегося из собственного пламени.

Ни грозных духов, царящих над бескрайними просторами замороженных долгой зимой пустынных равнин.

Однажды я проснулся в мире, в котором не было тебя.

СЦЕНА 2

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз

Женщина в сером балахоне с капюшоном, полностью скрывающим лицо. Медленно, очень медленно и очень долго она спускается вниз. Внезапно впереди неё, в тумане, смутно видится какое-то движение. Женщина не замечает его и продолжает идти. Некоторое время ничего не происходит, а затем — снова смутное движение в тумане. Женщина останавливается, поднимает голову, бросает короткий взгляд вперёд. Ничего не происходит. Женщина снова опускает голову и продолжает движение. Спустя какое-то время что-то снова мелькает в тумане, прямо перед женщиной. Женщина вздрагивает, спотыкается, останавливается и напряжённо вглядывается в туман. Ничего. Женщина долго смотрит вперёд. В тумане снова что-то движется, то приближаясь, то отдаляясь, то исчезая совсем.

Мага. Эй. Ты кто.

Тишина. Ничего не происходит.

Мага. Эй.

Движение. Что-то смутное быстро надвигается на Магу из тумана, на ходу обретая очертания человеческой фигуры. Мага пьтится. Фигура то приближается, то отдаляется. Мага, судорожно дыша и дрожа всем телом, отступает назад, пока спина её не упирается в ствол дерева. Напряжённо смотрит перед собой. Фигура быстро приближается и из туманного сумрака появляется мужчина. Черты его лица хорошо различимы. Мужчина долго смотрит на Магу, улыбается, а затем поднимает руку. Мага вскрикивает, разворачивается и, оглябая дерево, что есть мочи бросается бежать вверх по склону холма, не оглядываясь. Несколько раз она спотыкается и падает в грязь, но тут же вскакивает на ноги и продолжает свой безумный бег. Наконец, силы покидают её — она останавливается, сгибается, опустив ладони на колени и очень тяжело, с присвистом дышит. Испуганно смотрит назад, пытается задержать дыхание, вслушивается, снова порывается бежать, но падает лицом вниз. Долго лежит на мокрой траве сжавшись, задыхаясь, плача и дрожа всем телом. Ничего не происходит. Мага испуганно поднимает голову, оглядывается. Ничего. Полежав ещё немного, она встаёт и, то и дело оглядываясь назад, прихрамывая на очевидно ушибленную ногу, идёт вверх.

СЦЕНА 3

Комната то ли в полуразрушенном деревянном доме, то ли в хижине. Сумрак. Полуобвалившаяся крыша, пустой оконный проём, дверь висит на одной петле — помещение заполнено тем же уличным туманом. В сумраке смутно проглядывают какие-то предметы обстановки, но конкретные детали различимы с трудом. Входит Мага.

Ацамот (мужской голос из угла). Мага?

Мага не отвечает.

Ацамот. Ты чем-то взволнована, Мага?

Мага молчит.

Ацамот. Тебя что-то напугало?

Мага. Так... ничего, ерунда.

Ацамот. А всё-таки?

Мага. Ничего особенного, говорю.

Ацамот. Что-то померещилось в тумане?

Мага не отвечает.

Ацамот. Ответь мне.

Мага скрывается в сумраке, её действия различимы с трудом — по всей видимости, сбрасывает с себя одежду, открывает какой-то шкаф или что-то ему подобное и собирается переодеться.

Ацамот. Мага?

Мага. Ацамот, отстань. Не произошло ничего такого, что было бы достойно твоего внимания.

Судя по всему, одевается.

Ацамот. Всё достойно моего внимания, Мага. Особенно то, что выходит за пределы привычного круга вещей.

Мага возвращается из сумрака, держа в руках одежду и движется к двери.

Ацамот. Ты куда опять?

Мага. Надо постирать одежду.

Ацамот. Что с ней случилось?

Мага. Я упала.

Ацамот. Мага!

Мага. Я просто споткнулась о дерево и упала. Я цела. Давай не будем искать проблем там, где их нет, хорошо?

Выходит.

СЦЕНА 4

Мага сидит на скале и, обняв руками колени, смотрит куда-то вперёд. Вокруг расстилается сплошное непроглядное море тумана.

СЦЕНА 5

Ацамот. Не понимаю, что ты силишься там разглядеть. Зачем это вообще?

Мага. Не знаю, просто красиво.

Комната по-прежнему заполнена туманом. Мага сидит за столом и вертит в руках небольшой, почти идеально круглый и гладкий серый камень.

Ацамот. Возможно. А смысл?

Мага. Смысл? *Пожимает плечами.* А что, обязательно должен быть какой-то смысл? По-моему, красота сама по себе уже смысл.

Продолжает разглядывать камень.

Ацамот. Не понимаю, что ты вкладываешь в это понятие — «красота». Я понимаю пользу. А тут? В чём польза этого камня? Откуда ты, кстати, его вообще взяла?

Мага. Наверху на скале. Никогда таких не встречала раньше. Интересно, откуда он там вообще взялся?

Ацамот. И почему он кажется тебе красивым?

Мага. Ацамот, ты зануда. Обязательно всё по полочкам разложить, да?

Ацамот. Да. Это здорово помогает в жизни, знаешь ли.

Мага. Я не хочу.

Ацамот. А придётся.

Мага (*вздыхает*). Да, понимаю, иначе ты от меня до вечера не отстанешь. Посмотри... ну не знаю, тебя разве не изумляет форма? Глянь, гладкий какой. Отшлифованный будто.

Ацамот. Камень как камень. В хозяйстве с него толку никакого.

Мага. В хозяйстве! Ну неужели ты совсем, совсем не способен видеть в мире чудесного? Тут и так кругом один сплошной туман, смотреть не на что... так хотя бы за совершенство формы уцепиться, не? Ведь за одной только этой формой может стоять целая история! Загадка!

Ацамот. Какая ещё загадка?

Мага. Да блин, ну не знаю, подумай! Возможно, этот камень лежал когда-то на дне моря... разве это не удивляет тебя?

Ацамот. А должно?

Мага. Ну конечно! Что он здесь делает? Кто-то ведь сюда его принёс? Или что? Может быть, когда-нибудь в незапамятные времена здесь было море? И его волны с шумом разбивались о местные скалы? Ты когда-нибудь слышал, как шумит море, Ацамот?

Ацамот. Нет. Да и не было здесь никогда никакого моря.

Мага молчит.

Ацамот. По-моему, ты забиваешь голову какими-то ненужными фантазиями, Мага.

Мага. Знаешь, Ацамот, когда ты начинаешь вот так говорить, у меня вообще пропадает всякое желание хоть чем-то с тобой делиться.

Молчание.

Ацамот. Ладно. Но моря здесь никогда не было, это точно. И хорошо, что не было.

Мага. Хорошо?

Ацамот. Да. Терпеть не могу море. Оно такое... непредсказуемое. Опасное.

Мага молчит.

Ацамот. Что ты собираешься с ним делать?

Мага. С кем.

Ацамот. Ну, с камнем.

Мага. Не знаю. А обязательно что-то с ним делать? Нельзя им просто любоваться, например?

Ацамот. У всего должна быть цель. У всего должен быть смысл, Мага. Вещь без смысла — это фикция, обман. Я тебе сотни раз говорил. Бессмысленность подтачивает корни любого существования. Зачем тогда жить вообще?

Мага. Нет, это просто невыносимо. *Молчит.* Хорошо, я сделаю из него украшение. Устроит тебя такой ответ?

Ацамот. Украшение? Перед кем это ты тут красоваться собралась, интересно? Постой, Мага! Мы с тобой ещё не закончили!

Мага резко встаёт и выходит из комнаты.

Ацамот. Куда ты, Мага? А ну вернись.

Тишина.

Ацамот. Вернись сейчас же, я кому сказал.

СЦЕНА 6

Мага спускается вниз по склону холма, внимательно глядя перед собой. Периодически останавливается, оглядывается по сторонам, всматривается в туман, продолжает спускаться. Замечает движение, останавливается, напрягшись, смотрит вперёд. Ничего не происходит. Мага очень долго стоит на месте, почти полностью замерев. Затем, не выдержав, вздрагивает. Из тумана на неё начинает медленно надвигаться человеческая фигура. Мага разворачивается и быстрым шагом, постоянно оглядываясь, устремляется вверх. Фигура следует за ней. Мага ускоряется, а затем переходит на бег, бежит быстро и не оглядываясь. Наконец, останавливается. Смотрит назад, вслушивается. Всё тихо. Движения в тумане нет. Мага, оглядываясь, осторожно продолжает подниматься по склону.

СЦЕНА 7

Ацамот. Ты вообще ела сегодня?

Мага, видимо, что-то ищет где-то в углу, не отвечает.

Ацамот. Не слышу ответа.

Мага. Тебе-то что?

Ацамот. Что это ещё значит «мне-то что»? Полагаешь, твоё самочувствие меня не касается?

Мага не отвечает.

Ацамот. Прекрати рыться в шкафу, когда я с тобой разговариваю! Мне что, со спиной твоей общаться? И вообще, что ты там пытаешься отыскать?

Мага. Долго объяснять.

Ацамот. Ну так спроси, может, я знаю.

Мага выходит в центр комнаты, встаёт неподвижно, смотрит в угол из которого доносится голос Ацамота.

Мага (с раздражением). Ты. Не. Знаешь.

Ацамот. А с чего такая враждебность?

Мага. Ацамот, что ты там спросить хотел, говори уже. Не видишь, я занята.

Ацамот. Я говорю, ты хоть что-нибудь сегодня ела?

Мага. Господи, да какое это имеет значение? Ела... не ела... я не помню! Захочу — поем.

Ацамот. Тебе нужно внимательнее относиться к своему здоровью, Мага. Быть осознаннее во всём, что ты делаешь.

Мага. О боги.

Ацамот. Меня очень волнует твоё состояние, девочка. Думаешь, я не замечаю? Ты в последнее время стала... такая рассеянная. Злая.словно озабоченная чем-то.

Мага. Ацамот!

Ацамот. И что волнует меня больше всего, так это то, что ты ничего мне не рассказываешь.

Мага. Не о чем тут рассказывать!

Ацамот. Если с тобой что-то происходит, я должен это...

Мага. Ацамот, если это всё, то, с твоего позволения, я пойду. Мне нужно найти одну вещь, пока совсем не стемнело.

Ацамот. Что за вещь? Что ты затеяла, Мага?

Мага. Ацамот, давай уже договоримся. Есть в моей жизни то, что тебя не касается, хорошо? Просто прими это как факт. Разговор окончен. *Разворачивается, уходит в сумрак угла.*

Ацамот. Мага!

Мага. Ну что тебе ещё?

Ацамот. Там, на подоконнике, грибы тушёные.

Мага. И зачем ты это мне говоришь?

Ацамот. Чтобы ты знала.

Мага. Чтобы я знала что? Ацамот! Если что, я сама же их и приготовила. Сама их туда поставила.

Ацамот. Ну так тебе если не напоминать — ты и не вспомнишь.

Мага хватается за голову, скрывается в углу.

Ацамот. Поешь!

СЦЕНА 8

Мага стоит и вглядывается в туман. Какое-то время ничего не происходит, затем в тумане появляются смутные очертания человеческой фигуры. Фигура медленно приближается к Маге, Мага внимательно следит за её движением. Из тумана выходит мужчина. Встаёт в нескольких шагах от Маги, смотрит на неё. Мага смотрит ему прямо в лицо. Какое-то время они смотрят друг на друга, затем человек улыбается и поднимает руку. Мага разворачивается и спокойным шагом, не оглядываясь назад, уходит прочь. Никто не следует за ней.

СЦЕНА 9

В комнате.

Мага. Тихо так снаружи. Вообще ни звука.

Ацамот. И хорошо, что тихо.

Мага. Не знаю. Угнетает меня это. Хоть ветер бы услышать.

Ацамот. Вот уж чего не хватало. Спасибо, не надо.

Мага. Я ужасно соскучилась по ветру.

Ацамот. Еще дерево свалит какое-нибудь ураганом. Или дом... и так на честном слове держится.

Мага (*тихо*). Да хоть бы и ураган.

Ацамот. Что ты там бубнишь, Мага?

Мага. Так, ничего.

Ацамот. Ты бы лучше чем бубнить, дверь обратно уже приделала, а. И окно.

Мага. Хоть какое-то движение воздуха.

Ацамот. Движение. Зима на дворе.

Мага встаёт и выходит из комнаты.

СЦЕНА 10

Мага лежит на спине на мокром склоне холма. Смотрит вверх — туда, где должно быть небо, но кругом, как всегда, нет ничего кроме сплошного моря тумана. Тишина. Из мглы проглядывают устремляющиеся ввысь голые мокрые стволы деревьев. Мага закрывает глаза. Темнеет. Мага лежит без движения. Мир постепенно погружается в полную тьму.

СЦЕНА 11 (Яр)

Пора.

Прячется в чаще зверь, плавится в горле ком, плачет на дне бутылки неуспокоенный джинн — время разбрасывать листья, время пожинать плоды, время хоронить павших. Забудь про сны — просто уже пора. Складывается в безумную мозаику листва, скатываются в шерстяной клубок прожитые дни, льются секунды из крана неудержимым, неостановимым потоком, мерно отбивая раз и навсегда установленный ритм: раз, два. Раз. Два. Ну всё, вот мы и приплыли. Времени больше нет. Пора. По чёрному лесу, по белым листьям, по высохшим пуговицам глаз, по пустым страницам дневников — катится, катится вдаль твоя дорога.

Лишь один раз — и больше никогда, лишь одно мгновение и снова: в слепую ночь, в дикие чащи, в загадочные страны за горизонтом; дождём по стеклу, пальцами по струнам, лезвием по границам. Всего лишь один раз — и опять навсегда. Шепни только слово и всё вернётся, встань на цыпочки и коснись губами неба, ухватись непослушной пятернёй за самый краешек ветра: всё кончилось, всё ушло. Времени больше нет. Пора.

Сними очки лишь на секунду — знай, твой город никогда уже не станет изумрудным. Твои реки никогда не наполнятся водой. Твои песни никогда не будут спеты, твоим словам не суждено коснуться вечности — так и что ж? Наполни хрусталём сосуды, заполни собой пространство, одним махом ресниц сотри с небосклона все звёзды, одним росчерком разорви кровотокающую плоть ненужных более писем — времени больше нет. Это — свобода.

Вырвется из бутылки джинн, выползет из чащи зверь, одним мощным прыжком покорятся все стены — и только дым, как прежде, скользит по горлу наждачной бумагой уходящего лета. Не тебе и не мне, никому — складываются в безумную мозаику листья, уходит в ночь дорога из чёрного кирпича, — чтобы где-то там, за горизонтом, когда-нибудь достичь весны. Прошлого нет, и больше не будет. Пора, нам уже пора.

Слова не нужны, когда не о чем говорить, рифмы неуместны, когда не умеешь петь, мелодии нелепы, когда забыты движения танца. Катится, катится по дороге в осень шерстяной клубок неумолимого времени. Нам пора. Кажется, нам действительно пора.

СЦЕНА 12

Мага спускается по склону холма и идёт сквозь туман, глядя вперёд — до тех пор, пока не замечает впереди движения. Останавливается, ждёт, смотрит прямо перед собой. Из тумана выходит мужчина. Смотрит на Магу. Мага смотрит прямо ему в лицо. Мужчина улыбается и начинает поднимать руку. Мага резким движением приближается к нему и сильно бьёт в лицо кулаком. Мужчина отшатывается, по его лицу течёт кровь. Какое-то время он стоит, затем стирает кровь с лица рукой и снова улыбается. Мага бьёт его ещё раз, затем ещё, мужчина не сопротивляется. Мага избивает его руками и ногами, мужчина сгибается, затем падает на землю. Мага пинает его ногами. Долго пинает его ногами, мужчина не издаёт ни звука. Мага отходит от тела, тяжело дышит. Какое-то время мужчина лежит на боку без движения, затем с трудом переворачивается на спину. Лицо

его разбито, окровавлено, изувечено до неузнаваемости. Начинается дождь. Кровь стекает с лица мужчины, смешиваясь со струями дождя. Мужчина чуть приподнимает голову, смотрит на Мага узкими щёлками глаз. Разбитый рот искривляется в некоем подобие улыбки. Он тянет к Маге руку. Мага бьёт его ногой в лицо, затем ещё раз, ещё и ещё. Потом разворачивается и уходит.

СЦЕНА 13

Комната. Темно.

Мага. Ацамот! Ацамот, ты спишь?

Ацамот. Нет.

Мага. Что ты делаешь?

Ацамот. Думаю.

Мага. О чём ты думаешь?

Ацамот. Так... вспоминаю.

Мага. Что вспоминаешь?

Ацамот. Да всякое... ничего конкретного.

Мага. Поговори со мной. Расскажи мне что-нибудь.

Ацамот. Ох, Мага. Ты ставишь меня в тупик такими вопросами... вот только что столько всего в голове было, а сейчас даже как-то и вылетело всё. Ничего на ум не приходит сразу. О чём тебе рассказать?

Мага. Всё равно.

Ацамот. Вот, думаю, что пора бы уже починить хотя бы крышу. Зима всё-таки. Оно нам с тобой, конечно, привычно уже, но когда оно с потолка капает... неприятно как-то. Хотя, с другой стороны... до весны потерпит же, правда?

Мага. Потерпит, конечно.

Ацамот. Грибницу по весне надо бы обновить. Истоцилась уже. Ты ж там всё равно туда-сюда по лесу шастаешь, поприглядывайся будет время, а? Там делов-то... всего ничего. Откопать.

Мага. Я приглядываюсь, да.

Ацамот. Хорошо.

Молчание.

Мага. Ацамот?

Ацамот. Да?

Мага. Скажи, а какой смысл?

Молчание.

Ацамот. Что ты хочешь этим сказать?

Мага. Ну вот ты всё время говоришь «смысл», «смысл»... цель. Осознанность там. А если вот так задуматься? Вообще? Для чего мы всё это тут делаем?

Ацамот. Ну и вопросыки у тебя, Мага, на ночь глядя...

Мага. А всё-таки?

Молчание.

Ацамот. Существование, Мага, само по себе и есть глубочайший смысл. Ведь если так подумать — всё живое так или иначе стремится быть. Если бы в небытии была хоть толика смысла — согласишься, ведь тогда бы и не было, наверное, ничего... но ведь нет! Всё цепляется за жизнь, всё стремится длиться, длиться и длиться... А значит, вот это и есть смысл. Это и есть наша с тобой главная цель, Мага. Быть. Длительное существование так долго, как только мы способны. И, по возможности, не умирать совсем. Никогда, понимаешь? Разве любое живое существо не хочет именно этого? Быть всегда и никогда не прекращаться? Понимаешь, о чём я всё время тебе толкую? Безопасность, Мага. Безопасность — превыше всего. Это главное. И если мы ни на минуту, ни на секунду, ни на мгновение — слышишь, Мага, ни на мгновение! — не оставим бдительности, не будем забывать о нашей главной, великой цели — смерть никогда не поймает нас. Не схватит нас в свои объятия и не утащит в ледяной космос вечного небытия... Мага?

Молчание.

Ацамот. Мага, ты что, заснула?

Молчание.

Ацамот. Ну вот.

СЦЕНА 14

Мага сидит на берегу небольшого ручья и смотрит на текущую воду. Ручей журчит. Мага зачерпывает воду рукой, переворачивает ладонь и смотрит, как вода стекает с её пальцев обратно в ручей. Улыбается. Повторяет это действие раз за разом.

СЦЕНА 15

Ацамот. Ты рыбу принесла?

Мага входит в комнату с улицы.

Мага. Нет, не было сегодня рыбы. Не попалась.

Ацамот. Плохо. Жаль. Надо обязательно поесть рыбы.

Мага ходит по комнате.

Ацамот. Ты очень похудела, Мага. Выглядишь нездоровой. Выглядишь бледной.

Мага. Чё, правда?

Ацамот. Вот давай без ехидства, а. Тебе нужно тщательнее следить за своим здоровьем. Это очень важно, понимаешь? Меня пугает это твоё состояние. Очень.

Мага. Да не переживай ты так, ну. Зима просто.

Ацамот. Ты опять спускалась с холма?

Мага. Сегодня нет.

Ацамот. А вчера?

Мага. А что? Может быть нет, может быть — да... я, честно говоря, не помню. Это что, имеет какое-то значение?

Ацамот. Всё имеет значение, Мага. Нельзя расслабляться ни на секунду. Нельзя ни на миг утратить бдительности, понимаешь?

Мага. Ацамот, перестань надо мной квохтать. Я знаю эти места как собственные пять пальцев. Каждую кочку, каждый камешек, каждое поваленное дерево... я могу бродить здесь с закрытыми глазами или без глаз вовсе, понимаешь? Что, скажи мне, ради всего святого, ну что может со мной тут такого случиться?

Ацамот. Ты безответственно относишься к своей безопасности.

Мага. Ой, ну прекрати.

Ацамот. Зачем тебе вообще туда ходить, а? Что ты там хочешь найти?

Мага. Да ничего! Ничего я не хочу там найти! Я просто хожу... туда и сюда, туда и сюда, понимаешь? Вверх по склону холма, вниз по склону холма, вбок по склону холма... у меня здесь не так много развлечений!

Ацамот. Развлечений. Тебе бы всё развлекаться!

Мага. Прямо образвлекалась вся, ага.

Ацамот. Смерть не дремлет, Мага! Она только и ждёт...

Мага. Ацамот, давай не будем, пожалуйста. Я очень устала. Я не хочу сейчас об этом говорить. Я буду спать.

Молчание.

Ацамот. Пойми. Я делаю всё это, потому что очень боюсь за тебя.

Мага (*после долгой паузы*). Никто никогда не хочет, чтобы за него боялись, Ацамот.

СЦЕНА 16

Мага спускается по склону холма и идёт сквозь туман. В тумане виднеются очертания человеческой фигуры, фигура стоит без движения. Мага подходит ближе. Из тумана проявляются очертания мужчины. Он смотрит на Магу, улыбается. Мага подходит ближе. Мужчина, продолжая улыбаться, поднимает руку и тянет её в сторону Маги. Мага выхватывает из-за пазухи нож и наносит им несколько сильных ударов в тело мужчины. Тот падает. Мага разворачивается и, не оглядываясь, уходит вверх по склону.

СЦЕНА 17

Ацамот. Подумай хотя бы обо мне, Мага.

Мага. Я думаю о тебе, Ацамот.

Ацамот. Нет! Не думаешь! Хорошо, тебя не волнует собственная безопасность, но ты только представь — если с тобой что-нибудь случится, что тогда будет со мной? А?

Мага. Да ничего со мной не случится.

Ацамот. Как ты не понимаешь? Мир вокруг нас — не игрушка! Не ручной щенок, с которым можно играть, не опасаясь потерять руку! Вселенная агрессивна и полна опасностей, которые только и ждут...

Мага. Я слышу тебя, Ацамот. Чего ты от меня хочешь?

Ацамот. Я хочу, чтобы ты была внимательнее!

Мага. Нет, конкретнее. Ты хочешь, чтобы я не спускалась вниз?

Ацамот. Да ничего я не хочу. Ты не слышишь меня. Ты не понимаешь.

Мага. Ну конечно. Один ты всегда всё понимаешь.

Молчание.

Мага. И хватит давить на чувство вины. Я не виновата в том, что всё так.

Ацамот. Никто не виноват.

Мага. Твоя воля — ты бы приковал меня здесь цепью, так? Чтобы я никогда никуда не ушла? Чтобы со мной ничего никогда не случилось?

Ацамот. Ты знаешь, что это не так.

Мага. Не знаю! Ничего я на самом деле не знаю!

Ацамот. Ты не права, Мага. Пойми. Я желаю тебе только добра. И всегда желал.

Мага. Конечно! Добрый, бесконечно добрый Ацамот, который каждую секунду думает только об одном — о моей безопасности!

Ацамот. Я думаю о том, чтобы тебе было хорошо!

Мага. Конечно. Только меня ты об этом «хорошо» никогда не спрашивал.

Ацамот. Мага!

Мага. Никогда не спрашивал меня о том, чего я на самом деле хочу. И хочу ли я вообще чего-нибудь?

Встаёт, выходит.

Ацамот. Мага! Мага, стой!

Тишина.

Ацамот. Подумай о том, что бы было с тобой, если бы не я?

СЦЕНА 18

Мага стоит в тумане, обняв голый мокрый ствол дерева. Мага плачет.

СЦЕНА 19 (Яр)

Как же мне узнать, сколько капель вмещает в себя океан, как же мне сосчитать, сколько звёзд содержит в себе Вселенная, как же мне почувствовать, сколько слов нужно, чтобы не сказать самого главного?

За криком крик рождается пение, за слезой слеза рождается картина, и где-то там, посреди колеблющейся ночной мглы обязательно горит в далёком окне тёплый живой свет; но в этом густом тумане — как же мне найти ту единственно верную тропинку, что выведет меня к людям?

Вздрогнет на ветру пламя, отчаянно пропищит в траве испуганная мышь, сожмётся в точку мотылёк, прикоснувшийся к невыносимому жару своей конечной цели, захлебнутся часы в резиновой петле ночи — привет, и можно начинать сначала.

Разбуди меня, когда закончится дождь. Если, конечно, он когда-нибудь закончится.

Живой. Дождь — живой. Усталый путник, барабанивший в оконные стекла. Сбившийся с дороги монах, играющий на флейте в одинокой ночной тишине. Пузыри на лужах. Птицы, уснувшие где-то меж пологим скатом небес и ощетинившейся оскалом осторверхих крыш землёй. Едва ощутимый пульс времени, усталые вибрации чьих-то сердец, резонирующих в бесконечных пространствах. Туман ползёт по серым равнинам. Его хлопья блуждают меж кустарников и деревьев, оставляя на доверившихся поверхностях сочащиеся влагой следы. Дождь.

Свет фонарей напоминает голоса людей, что остались где-то в далёком, невозвратном прошлом. Их печальная, чуть траурная мелодия несётся сквозь ночь, разбавляя чернильную темноту пронзительной, обжигающей глаза ясностью невысказанных сомнений. Дым задыхающихся костров смешивается с наполненным влагой воздухом — шипение умирающего огня, отчаяние раненного зверя, бессилие загнанной жертвы — дождь.

Стучит, оставляя неровные, тревожно светящиеся в электрическом свете полосы на безукоризненно ровных внешних поверхностях стёкол. Плачет, рвётся во все окна и двери, иступлённо бьётся о стены равнодушных домов — просит пустить его внутрь, оградить от того безумства бушующей стихии, которым является он сам. Тихо, неслышно, напевает свою печальную колыбельную, отбивает ритм несуществующих танцев — многие тысячи лет оставаясь всё тем же.

Впрочем, каплям дождя, повисшим на стёклах, всё равно не дожить до утра. Я знаю.

К утру пойдёт густой снег.

СЦЕНА 20

Мага спускается вниз по склону холма, внимательно глядя перед собой. Останавливается, ждёт. Из тумана навстречу ей движется человеческая фигура. Мужчина выходит из мглы, останавливается, смотрит на Магу. Улыбается. Мага смотрит на него, затем поднимает руку и тянет к нему. Мужчина тянет свою руку в ответ, но пальцы их так и не могут встретиться, упираясь в невидимую, абсолютно прозрачную и абсолютно непроницаемую стену. Ладони скользят по незримой поверхности и никак не могут соприкоснуться. Мага придвигается ближе, но невидимая стена не пускает её. Мужчина что-то говорит, его губы шевелятся — стена не пропускает ни звука. Мага смотрит на мужчину. Глаза её полны слёз. Мужчина молча смотрит на Магу с лёгкой сочувственной улыбкой. Мага плачет. Сверху, из серой туманной мглы начинает идти снег.

СЦЕНА 21

Мага. Ацамот.

Ацамот. Да?

Мага. Я должна тебе кое-что рассказать.

Ацамот. Я слушаю тебя, Мага.

Мага. Ты знаешь... там, внизу. *Замолкает.*

Ацамот. Я тебя слушаю.

Мага. Мне кажется, я видела что-то.

Ацамот. Что ты видела?

Мага. Не знаю... я не уверена. Мне кажется, там что-то есть.

Ацамот. Что-то?

Мага. Кто-то.

Ацамот. Кто?

Мага. Человек.

Ацамот. Человек?

Мага. Мужчина.

Ацамот. Ты уверена?

Мага. Не знаю...

Ацамот. Ты видела его?

Мага. Наверное, да.

Ацамот. Наверное?

Мага. Да. Я видела его. Видела.

Молчание.

Ацамот. Тебе не показалось?

Мага. Ну, я видела его собственными глазами.

Ацамот. И что он делал?

Мага. Ничего. Просто стоял и смотрел.

Ацамот. Просто стоял и смотрел.

Мага. Да.

Молчание.

Ацамот. Я думаю, тебе всё-таки показалось.

Мага. Ацамот, но как?

Ацамот. Не бери в голову. Этого не может быть. Просто не может быть, понимаешь?

Мага. Но я же ещё не сошла с ума, Ацамот!

Ацамот. Никого здесь нет. И быть не может. Я позаботился об этом. Очень хорошо позаботился. Того, о чём ты говоришь, не существует. Его просто не может...

Мага. Ацамот, ты сам постоянно говоришь мне, что я должна быть внимательна ко всему, даже к мелочам! А тут... это же совсем... совсем не мелочи!

Ацамот. Да, ты молодец, что поделилась со мной. Но поверь, тут абсолютно не о чем беспокоиться.

Мага. Но я...

Ацамот. Мага. Если бы там кто-то был, уж поверь мне, я бы этим узнал намного раньше, чем ты. Там никого нет. Нет и не было никогда. И не будет.

Мага. Если там, как ты говоришь, никого нет, то кого же я тогда по-твоему видела?

Долгое молчание.

Ацамот. Сон, девочка. Я думаю то, что ты видела — всего лишь сон.

СЦЕНА 22

Мага быстро спускается вниз по склону холма, не глядя под ноги. Переходит на бег. Бежит, спотыкаясь, но удерживаясь на ногах, затем поскользывается, падает на спину, скатывается по мокрой траве, вскакивает на ноги и продолжает бежать, снова спотыкается, снова падает, вскакивает, бежит дальше. Её лицо и руки перепачканы в грязи, одежда порвана, волосы спутаны но Мага не обращает на это никакого внимания. Бежит. Впереди неё в тумане смутно виднеются очертания человеческой фигуры.

Мага. Я вижу тебя! Стой!

В тумане на короткий миг мелькает лицо мужчины, затем фигура разворачивается и начинает удаляться от Мага.

Мага. Пстой! Куда же ты?

Мужчина убегает, Мага бежит за ним.

Мага. Я больше не причиню тебе зла!

Бегут.

Мага. Я просто хочу поговорить!

Мужчина скрывается в тумане. Мага какое-то время бежит за ним, затем останавливается, тяжело дышит, вдыхается в туман.

Мага. Да где же ты?

Впереди смутное движение. Мага бросается бежать что есть силы. Бежит очень долго, но внезапно земля исчезает — под ногами у Маги лишь пустота. Пропасть и острые скалы. Мага падает с высокого обрыва и насмерть разбивается о лежащие внизу камни.

СЦЕНА 23 (Яр)

Чу! Слышишь ли ты? Слышишь, Мага?

Пронзительно голубое небо молчит в недоступной высокой дали. Прячутся кролики в черноту своих глубоких нор. Плачет одинокий ручей, забытый всеми в густой траве — он не отмечен в сказаниях, о нем не сложат песен; никто и никогда не вспомнит его имени — и бескрайняя, беспредельная, бессовестная вечность будет жить дальше. Без него. Ему попросту не найдётся в ней места. Слышишь?

Слышишь ли ты, как осторожно касаются твоей кожи робкие лучи холодного зимнего солнца? Как колосится рожь на далёких полях, день ото дня наливаясь густой упругой платиной? Как хлопает на ветру незакрытая калитка?

Как пчёлы разносят тепло твоих ладоней от цветка к цветку, через весь безграничный мир, как прорастает трава сквозь кончики твоих пальцев, как майские ураганы режут в лабиринте твоих лёгких, как гудит на дне твоих зрачков морской прибой, как пробегает по горлу дрожащая волна, как копошится в глубине твоего желудка полевая мышь?

И дождь не кончается, нет — который год не смолкает проливной дождь в твоём сердце, и хрупкое живое тепло давно уже стало могильным холодом, и тело твоё давно уже обратилось в мир — мир, что живёт по своим собственным, никем не открытым и не объяснённым законам. Слышишь ли ты, Мага?

В девяти ли различных мирах, за далёкими ли морями, среди сводящей с ума пустой бесконечности звезд — где он, твой принц, позабывший тебя странник, таинственный незнакомец, смутный образ, неясно проступающий сквозь страницы увядающей памяти? Да и существовал ли он хоть когда-нибудь? Или вовсе не было ничего — так, пустая фантазия, мимолётная дрёма, ночной кошмар испуганного ребенка, бабий плач растревоженного сознания? И ты — не жена и не вдова, так, пустая видимость — шальная песня разгулявшегося ветра; капля росы, бесследно растворяющаяся в грозном сиянии дня; фальшивая нота в безупречной песне мироздания — зачем, для чего?

Вы рядом, всегда были рядом — каждый миг неумолимого времени ты можешь видеть его лица, слышать его голоса, но протяни руку — и видение растворится, обратится в ничто, как рисунок на песке, смытый неожиданно набежавшей волной. Океан, что лежит между вами — непреодолим, и пропасть несказанных слов разделяет вас куда надёжнее, чем крепостные валы, ошестинившиеся пиками безжалостных стрел.

И червь уныния, долгие годы разъедавший плоть твоих воспоминаний, не прекращает своей сосредоточенной деятельности, и чёрная птица отчаяния давно уже кружит над твоей головой... скажи, Мага, какого чёрта?

Смотри, Мага. Открой глаза — и смотри.

Как отчаянно трещит скорлупа воробьиных яиц, что не в силах больше сдерживать непреклонное стремление птенцов увидеть этот мир. Как расправляет свои крошечные крылья божья коровка, подчиняясь радостному зову небес. Как трещит в пыльных лопухах весёлый кузнечик. Как катится, катится вперёд неостановимый шар жизни, раз за разом, день за днём побеждая смерть.

Нет никаких океанов. Нет пропастей. Нет чёрных птиц. Нет боли. Нет смерти.

Нет. Это не шторм северных морей разрывает твои лёгкие — это тёплый майский воздух врывается в грудь, наполняя каждую клеточку тела живительной влагой кислорода. Это не соль морского прибоя обжигает твои глаза — ослепительный свет твоей родной звезды силится донести до тебя то, о чём ты забыла в своей добровольной слепоте. Это не мышь бьётся внутри тебя бессильной злобой, не дождь стучит о непрочные стенки твоего сердца — это сама жизнь переполняет тебя изнутри, стремясь вырваться наружу, обрести себя и выполнить, наконец, своё предназначение.

Всё обязательно начнётся вновь. И, может быть, совсем скоро. Открой дверь. Неведомое уже идёт к тебе.

СЦЕНА 24

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется. Мага стоит и ждёт, не отрывая взгляда от клубящейся туманной мглы. Тишина. Мага продолжает стоять до тех пор, пока мир вокруг не погружается во мглу.

СЦЕНА 25

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется. Мага стоит и ждёт, не отрывая взгляда от клубящейся туманной мглы. Тишина. Мага продолжает стоять до тех пор, пока мир вокруг не погружается во мглу.

СЦЕНА 26

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется. Мага стоит и ждёт, не отрывая взгляда от клубящейся туманной мглы. Тишина. Мага продолжает стоять до тех пор, пока мир вокруг не погружается во мглу.

СЦЕНА 27

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется. Мага стоит и ждёт, не отрывая взгляда от клубящейся туманной мглы.

Мага (шёпотом). Где ты?

Тишина. Мага продолжает стоять до тех пор, пока мир вокруг не погружается во мглу.

СЦЕНА 28

Мага. Ацамот.

Ацамот. Да.

Мага. Ацамот, ты слышишь?

Ацамот. Что?

Мага. Ветер.

Ацамот. Тебе кажется. Я ничего не слышу.

Молчание.

Мага (громко). Ацамот, да прислушайся же! Ветер! Ветер шумит!

Ацамот. Да ничего там не шумит.

Мага. Ветер! Я слышу! Там ветер!

Вскакивает, выбегает наружу.

Ацамот. Мага, стой! Мага! Что ты там опять себе придумала! Постой, Мага! Вернись сейчас же! Это может быть опасным!

СЦЕНА 29

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листвы деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется. Мага стоит и ждёт, не отрывая взгляда от клубящейся туманной мглы.

Мага (шёпотом). Где ты?

Тишина.

Мага. Где ты?

Тишина.

Мага. Где ты?

Тишина. Никакого движения в тумане.

Мага (громко, очень громко кричит). Где ты?

Ничего. Лишь оглушительное эхо бьёт в уши, отражаясь от стены тумана. Мага продолжает стоять до тех пор, пока мир вокруг не погружается во мглу.

СЦЕНА 30

Ацамот. Мага?

Мага. Да, Ацамот?

Ацамот. Помнишь тот сон, который снился тебе? Мужчина, который смотрел на тебя из тумана?

Мага. Да, Ацамот.

Ацамот. Скажи, ты всё ещё видишь этот сон?

Мага. Нет, Ацамот. Больше никаких снов. Я больше не вижу никаких снов, Ацамот.

Ацамот. Значит, ты согласна со мной?

Мага. В чём?

Ацамот. Что это был просто сон.

Мага. Ну разумеется, Ацамот. Это был сон. Это был всего лишь сон.

СЦЕНА 31

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, глядя себе под ноги, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Мага. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряжённо смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется.

Мага улыбается, делает решительный шаг вперёд и растворяется в густом тумане.

СЦЕНА 32

Мага. Ацамот?

Ацамот. Я слушаю тебя, Мага.

Мага. Скажи, почему?

Ацамот. Что «почему»?

Мага. Зачем? Зачем ты всё это сделал?

Долгое молчание.

Мага. Не делай вид, что не понимаешь, о чём я.

Ацамот. Я понимаю о чём ты, Мага.

Молчание.

Мага. И?

Ацамот. Я понимаю. Я уже говорил тебе. Я сделал это для нашей с тобой безопасности. Понимаешь? Так было надо.

Мага. Кому надо?

Ацамот. Тебе. И мне.

Мага. Я не просила тебя об этом.

Ацамот. Я знаю. Но я искренне хотел дать тебе самое лучшее, что мог. Я переживал. Случись что-нибудь с тобой, и... я боялся за тебя, понимаешь, Мага? Я очень за тебя боялся.

Мага. Никто. Никогда. Не хочет. Чтобы за него боялись.

Молчание.

Ацамот. Но ведь каждый хочет, чтобы его любили.

Мага. Именно, Ацамот. Каждый хочет, чтобы его любили.

СЦЕНА 33

Мага спускается вниз по склону холма. Навстречу ей из тумана выходит Яр. Останавливаются, смотрят друг на друга. Яр улыбается. Мага улыбается ему в ответ. Поднимают руки и протягивают их навстречу. Пальцы соприкасаются и ладони сжимаются одна в другой. Смотрят друг на друга, не говоря ни слова.

СЦЕНА 34

Мага сидит на мокрой траве, разглядывая свою ладонь. Подносит её к носу. Вдыхает.

Мага. Так говоришь, это был всего лишь сон?

Мага смотрит на свою ладонь, сохранившую очертания прикосновения.

СЦЕНА 35

Мага входит в комнату, заполненную туманом. Стоит и долго, не произнося ни слова, смотрит в угол. Затем делает решительный шаг и берёт в руки стоящий в углу мешок. Открывает его и переворачивает, вываливая на пол содержимое — старые листья, обрывки газет, пыль, мусор и сухие, обветрившиеся кости.

Мага улыбается. Снимает с себя одежду, разворачивается и выходит из комнаты.

СЦЕНА 36 (Мага)

Можно всё так же идти и идти в никуда, в ночную сырую мглу, раздвигая руками хлопья клубящегося тумана. Касаться ладонью в темноте остывших ветвей, с которых хрустальными иглами свисают замёрзшие капли дождя. Тревожить ночную тишину своим прерывистым дыханием, ломать тонкую корочку льда скользящим ритмом своих шагов. Ловя несуществующие взгляды чьих-то давно закрывшихся глаз, тщетно стремясь разыскать на отсутствующем небе следы присутствия забытых всеми звёзд, холодными губами пытаюсь разорвать смёрзшиеся пространства тысячелетнего молчания — не прекращая движения, продолжать жить.

Если небо не имеет границ, если звёзды — не пепел давно погасших в недостижимых просторах огней, если где-то в глубинах мироздания всё ещё тлеет тёплый и живой огонек смысла — всё это имеет значение? Там, в сырых и холодных глубинах зимнего леса, у излучины реки, в зарослях орешника — отыскать костер, что ещё не успел погаснуть, найти живое тепло, ощутить переполненность мира — всем сердцем, всей глубиной? Прорваться, преодолеть, разрушить все эти пустые пространства, побороть магию подступающей ночи; не слышать тоскливого зова призрачных ночных существ, притаившихся в клубящейся мгле, не видеть их лиц, зловеще глядящих из чащи леса, не обращать внимания на их

торжествующий, приглушённый хохот, маскирующийся то под крик совы, то под шорох опавших и замёрзших листьев под твоими ногами. Опустить глаза и довериться — себе, дороге, скрывшейся в тучах луны, невидимому ночному небу, далекому неясному свету, пробивающемуся сквозь кроны деревьев?

В пении реки услышать голос друга. В шёпоте ветра различить знакомые имена. В молчании далёких звёзд уловить следы ответа на мучающие тебя вопросы. В ритме непрекращающегося движения — раствориться, стать частью и целым одновременно — ведь между ними нет никакой разницы.

Но как, скажи мне, как объяснить незрячему, что же такое цвет?

Как объяснить, что такое любовь, тем, чьи сердца давно уже потонули во мраке?

Как рассказать, что такое жизнь, тому, кто никогда не рождался на свет?

Как выразить словами то, что вовсе не может быть выражено?

И все мы, пытаясь преодолеть стены — каждый свои: километры разделяющих нас расстояний; ворох слов, несказанных и невысказанных; мифы, сотканные из небытия; упорно разбегающиеся дороги судьбы; пропасти непонимания; эпохи молчания; миллионы лет скитаний в абсолютной пустоте — неужели так и не сможем найти всего лишь одной простой вещи? Той, что обладали всегда, но боялись себе в этом признаться.

Можно тысячи лет раздвигать покровы тумана, преодолеть миллионы километров непройденных никем дорог, убить сотню драконов и спасти от невыносимых страданий тысячу принцесс, исследовать все тайные тропы Вселенной и даже разглядеть в тусклом зеркале отражение своего собственного, подлинного и неприкрытого «Я» — но так и не найти того, что же на самом деле ищешь. Или вовсе не осознать того, что на самом деле всё это время ты что-то искал.

Слышишь меня? Солнце обязательно взойдёт вновь.

Солнце обязательно взойдёт. Рассвет близко.

Не грусти.

СЦЕНА 37 (Яр)

Однажды я проснулся.

Я закрыл глаза лишь на мгновение, а когда вновь открыл их — мир потерял что-то очень важное.

Ни утреннего солнца, осторожными прикосновениями пробивающегося сквозь тонкую кожу полусомкнутых век. Ни капель ночного дождя, что отчаянно пытаются спасти свою форму под слабыми, но такими настойчивыми ударами утреннего ветра, на изумрудных листьях молчаливых деревьев. Ни серебра улиток, оставляющих длинные влажные следы в весенней траве. Ни золотых иголок добродушного света, что играют бликами на шероховатой от ряби поверхности луж. Ничего.

Однажды я проснулся в мире, так не похожем на прежний.

Ни ослепительно ярких оттенков реальности. Ни густого запаха цветущей вишни в вязком и упругом воздухе мая. Ни деловитого гула облетающих свои владения пчёл. Ни глухого шороха гравия, лениво перекатывающегося под ногами. Ни журчания воды в ручьях, ни кружащего голову запаха талого снега, ни залиvistых трелей птиц над бескрайними холмистыми равнинами неуёмно колоссящихся трав. Ни сурового молчания синеватых заснеженных вершин в прозрачном от высоты воздухе. Ни пронзительной, обжигающей голубизны бесконечно округлого неба над моей головой.

Мне будет очень не хватать всего этого в мире, в котором я однажды проснулся.

Когда-то давным-давно, бесконечное множество миров назад, я всё закрывал глаза и открывал их вновь, надеясь вернуть былую красоту мира; но с каждым новым взмахом ресниц мир всякий раз лишался чего-то очень важного. Неуловимо прекрасного. Того, без чего практически невозможно жить.

Нет больше танцующих в потоках ветра драконов, сияющих сталью в пронзительно-алом свете заходящего солнца.

Нет ни сирен, что поют уставшим мореплавателям свои песни.

Ни замков, устремляющих в небо свои острые башни.

Ни стука копыт единорога, осторожно ступающего по каменистым тропинкам своего зачарованного леса, ни обжигающего дыхания феникса, сгорающего, умирающего навсегда — но всякий раз возрождающегося из собственного пламени. Ни грозных духов, царящих над бескрайними просторами замороженных долгой зимой пустынных равнин.

Я проснулся. Однажды я проснулся в мире, в котором нет тебя.

СЦЕНА 38

Яр сидит на скале и, обняв руками колени, смотрит куда-то вперёд. Вокруг расстилается сплошное непроглядное море тумана.

СЦЕНА 39

Яр сидит на берегу небольшого ручья и смотрит на текущую воду. Ручей журчит. Яр зачерпывает воду рукой, переворачивает ладонь и смотрит, как вода стекает с его пальцев обратно в ручей. Улыбается. Повторяет это действие раз за разом.

СЦЕНА 40

Яр лежит на спине на мокром склоне холма. Смотрит вверх — туда, где должно быть небо, но кругом, как всегда, нет ничего кроме сплошного моря тумана. Тишина. Из мглы проглядывают устремляющиеся ввысь голые мокрые стволы деревьев. Яр закрывает глаза. Темнеет. Яр лежит без движения. Мир постепенно погружается в полную тьму.

СЦЕНА 41

Яр сидит на мокрой траве, разглядывая свою ладонь. Подносит её к носу. Вдыхает.

Яр. Так говоришь, это был всего лишь сон?

Яр смотрит на свою ладонь, сохранившую очертания прикосновения.

СЦЕНА 42

Комната то ли в полуразрушенном деревянном доме, то ли в хижине. Сумрак. Полуобвалившаяся крыша, пустой оконный проём, дверь висит на одной петле — помещение заполнено туманом. В сумраке смутно проглядывают какие-то предметы обстановки, но конкретные детали различимы с трудом. Входит Яр.

Яр. Ацамот?

Смотрит по сторонам.

Яр. Ацамот, ты здесь?

Смотрит под ноги, видит пустой мешок и разбросанный вокруг мусор вперемешку со старыми костями. Непонимающе глядит на всё это, затем садится на пол и хватается за голову. Долго сидит без движения, затем встаёт, проходит в угол и достаёт что-то из шкафа. Подходит к двери. Оглядывает комнату. Открывает дверь и выходит наружу.

СЦЕНА 43

Густой, невероятно густой туман, в котором с трудом угадываются сумрачные силуэты голых, лишённых листьев деревьев. Мёртвая трава, прелая листва. Склон холма. По склону медленно, перешагивая через упавшие стволы деревьев бредёт вниз Яр. Долго идёт вперёд, затем останавливается и напряженно смотрит в туман. Ничего не происходит. Ничто не движется в тумане.

Яр стоит, затем делает решительный шаг и продолжает движение. Долго, очень долго он идёт вперёд. Затем туман начинает рассеиваться. Яр достаёт что-то из кармана. В его ладони — небольшой, почти идеально круглый и гладкий кусок ярко-жёлтого янтаря, светящийся изнутри тёплым золотом от падающих на него солнечных лучей.

Яр щурится от света, в лицо ему бьёт ветер. За спиной у него — сплошная стена густого тумана. Над иссиня-чёрным, грозно волнующимся морем, почти у самого горизонта висит холодное зимнее солнце и впереди — самая длинная ночь в году.